

УДК 347.63

**НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОСПАРИВАНИЯ ОТЦОВСТВА ПРИ ПРИМЕНЕНИИ МЕТОДОВ
ВСПОМОГАТЕЛЬНЫХ РЕПРОДУКТИВНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ****С.О. РУБЦОВА***(Представлено: канд. юрид. наук, доц. Н.А. БЕСЕЦКАЯ)*

Рассматриваются подходы к определению термина «отцовство». Предметно исследованы общие основания для оспаривания отцовства и круг лиц, которым предоставлено такое право. Анализируются особенности оспаривания отцовства в отношении ребенка, рожденного с применением методов вспомогательных репродуктивных технологий. Обосновывается необходимость закрепить в семейном законодательстве Республики Беларусь право супруга, давшего согласие на применение ВРТ, отозвать свое согласие.

Развитие института вспомогательных репродуктивных технологий (далее – ВРТ) в настоящее время помогает лицам приобрести родительские права и реализовать свои репродуктивные права, когда все природные, а также терапевтические механизмы исчерпаны. На сегодняшний день применение данных методов породило ряд целых этнических и правовых проблем, связанных с оспариванием отцовства в отношении ребенка, рожденного с применением методов ВРТ. Однако нормы белорусского законодательства, регулирующие правоотношения, возникающие при применении данных методов, являются противоречивыми и затрагивают лишь отдельные аспекты возникающих проблем. Тем не менее поднятая проблема исследуется в основном в российской доктрине. Отечественные авторы не проявляют к ней должный интерес. Среди российских ученых можно выделить работы Ю.Н. Корбута [6], А.Н. Левушкина [5] и др.

В юридической литературе термин «отцовство» рассматривается в биологическом, правовом (юридическом) и социальном аспектах. Так, С. Д. Некрасов отмечает, что в биологическом аспекте данный термин рассматривается как факт кровного происхождения ребенка от конкретного мужчины, а в правовом – официальный факт происхождения ребенка, зафиксированный в государственном документе [1]. По мнению А.А. Новикова, под социальным аспектом термина «отцовства», напротив, следует понимать установление отцовства в отношении ребенка не являющимся его биологическим отцом, при условии, что у ребенка в свидетельстве о его рождении отсутствует запись об отце [2]. Однако единообразного понимания термина не выработано.

Обобщая рассмотренные выше позиции можно утверждать, что не всегда наличие биологической связи лиц является достаточным, чтобы признать мужчину отцом ребенка с юридической точки зрения.

Под оспариванием отцовства следует понимать оспаривание записи об отце ребенка, которая производится органом записи актов гражданского состояния. Другими словами, оспаривание отцовства есть не что иное, как удаление из документов записи о том, что какое-либо лицо является отцом. При этом оспаривание отцовства в судебной практике происходит значительно чаще, чем оспаривание материнства.

В настоящее время, согласно общему правилу, п. 1 ст. 58 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье (далее – КоБС) допускает возможность оспаривания отцовства только в тех случаях, когда в книге записей рождений отцом ребенка записано не то лицо, которое является им в действительности [3]. В соответствии с п. 3 ст. 47 Гражданского процессуального Кодекса Республики Беларусь, требования об исключении записи об отце, произведенной в актовой записи о рождении, рассматриваются судом в исковом порядке [4].

Рассматривая вопрос оснований для оспаривания отцовства в судебном порядке, значимость такой категории как «кровное родство» сложно переоценить, так как именно оно определяет объем прав и обязанностей между людьми, делая их родственниками. В семейном праве, считает А.В. Левушкин, кровное родство выступает в качестве естественного основания возникновения семейных правоотношений. Следовательно, отсутствие генетической связи между мужчиной, записанным в свидетельстве о рождении ребенка в качестве его отца, и самим ребенком является основанием для оспаривания отцовства [5].

Однако в случае применения методов ВРТ генетическая связь ребенка с обоими родителями может быть как очевидной, так и вовсе отсутствовать с одним из родителей либо с обоими родителями. Из этого следует, что более сложным представляется оспаривание отцовства по отношению ребенка, рожденного с применением ВРТ, в основу которого положено социальное отцовство. Кроме того, утверждение, что отец – тот мужчина, который имеет биологическое родство с ребенком, не может носить бесспорный характер, так как он может и не быть родным отцом данного ребенка.

Важным аспектом в дискуссии об оспаривании отцовства в отношении ребенка является вопрос о том, кому принадлежит такое право. Так, в ст. 58 КоБС закрепляется исчерпывающий перечень лиц, которым предоставлена возможность оспаривания отцовства в судебном порядке. К ним следует относить:

- лицо, записанного в качестве отца или матери ребенка;
- лицо, фактически являющегося отцом или матерью ребенка;

- самого ребенка по достижении им совершеннолетия;
- опекуна (попечителя) ребенка.

Однако государство, разрешая вопрос о возможности лиц оспорить отцовство в отношении ребенка, рожденного с применением методов ВРТ, в большей мере ориентируется на запретительные и ограничительные нормы, защищая права и интересы не только такого ребенка, но и самих лиц, давших согласие на применение таковых. Так, ч. 2 ст. 52 КоБС устанавливает запрет лицам, явившимся донорами половых клеток, которые использовались при применении ВРТ, оспаривать отцовство ребенка, родившегося в результате применения данных методов. Супруги, обращаясь в медицинское учреждение с целью искусственного оплодотворения, вступают в правоотношения с данным учреждением, которое заранее предупреждает их о том, что донор не берет на себя родительские обязанности по отношению к будущему ребенку.

Таким образом, из вышеизложенного можно сделать вывод о том, донор и женщина, родившая ребенка в результате искусственного оплодотворения, не вступают друг с другом в какие-либо правоотношения, а сам донор не может быть признан отцом ребенка, зачатого с применением методов ВРТ.

Как отмечалось ранее, на сегодняшний день развитие методов ВРТ позволило рассматривать отцовство не только в биологическом или юридическом аспектах, но и социальном. Так, ч. 1 ст. 52 КоБС устанавливает, что супруг, давший письменное согласие на применение его супруге методов ВРТ, не вправе при оспаривании отцовства ссылаться на эти обстоятельства [3]. Однако указанная норма нуждается в толковании. Вряд ли можно ее понимать буквально в том смысле, что супруг, давший такое согласие, ни при каких обстоятельствах не вправе оспаривать юридическую значимость высказанного им волеизъявления и, соответственно, свое отцовство.

Как уточняет Ю. Н. Корбут, несмотря на то, что указанные лица не лишаются права предъявить иск об оспаривании записи, они не могут ссылаться на отсутствие генетической связи с ребенком как на основание подачи своего иска [6, с. 62]. С позицией автора следует согласиться, однако это не исключает возможности оспаривания своего отцовства по иным основаниям. Например, лицо дает согласие на искусственное оплодотворение своей жены донорской спермой, в действительности же беременность возникает не в результате искусственного оплодотворения, а в результате связи с посторонним лицом [7].

Следует отметить, что семейная политика многих государств основывается на тотальном следовании интересам детей. Суд при рассмотрении дел об оспаривании отцовства в отношении ребенка, рожденного с применением методов ВРТ, зачастую выделяет единственный важный факт – появление на свет несовершеннолетнего субъекта, но абсолютно игнорирует иные обстоятельства дела, ссылаясь на согласие супруга на применение методов ВРТ. Так, на практике часто возникают ситуации, когда женщина прекрасно знает, что семейные отношения, по сути, прекращены, но обращается в медицинскую организацию за специализированной помощью. В данном случае, как минимум, можно говорить о злоупотреблении правом и нарушении прав супруга, который ранее дал свое согласие на применение методов ВРТ. В связи с этим представляется необходимым дополнить ст. 52 КоБС нормой следующего содержания: «Согласие супруга на применение методов ВРТ может быть отозвано им в случае подачи заявления о расторжении брака, а также в случае прекращения совместной жизни, которые имели место до применения методов ВРТ». Таким образом, закрепление данной нормы позволит не только не допустить возложения родительских прав и обязанностей на лицо против его воли, но и избежать оспаривания отцовства в судебном порядке.

Отдельно следует остановиться на вопросе, касающемся возможности оспаривания отцовства в отношении ребенка, рожденного суррогатной матерью. В отечественном законодательстве прямо устанавливается запрет суррогатной матери, генетической матери ребенка и её супругу, давшему согласие на заключение договора суррогатного материнства, оспаривать отцовство ребенка, рожденного с применением такого метода ВРТ. В данном случае согласие на применение ВРТ является юридическим фактом, с которым связывается установление происхождения детей, рожденных с применением таких технологий, не только по отношению к отцу, но и к матери ребенка, а как следствие, лишает их возможности оспорить данный факт. Однако исключением из данной нормы будет являться возможность оспаривания отцовства супругом, давшим согласие на применение данного метода ВРТ в случае, когда имеются доказательства того, что суррогатная мать забеременела не в результате применения ВРТ.

Такой подход существенно отличается от зарубежного, где чаще в основу происхождения ребенка, рожденного суррогатной матерью, положена гестационная теория, когда матерью ребенка априори является родившая его женщина. Так, российский законодатель посчитал менее защищенной стороной суррогатную мать и закрепил за ней право на оставление ребенка. Из этого следует, что в случае отказа в передаче ребенка лицам, давшим согласие на применение данного метода ВРТ, родителями ребенка признается суррогатная мать и её муж, а генетические родители не вправе оспорить их родительские права.

Предоставление права суррогатной матери на оставление ребенка подвигается критике многих авторов, исследующих данную проблему. Например, О. Ю. Лебедева пишет: «... если суррогатная мать, состоящая в браке, воспользуется своим правом оставить ребенка себе, то, отцом совершенно чужого ему ребенка будет зарегистрирован супруг вынашивающей матери, при том, что он мог возражать против того,

чтобы его жена выступала в роли суррогатной матери, либо мог вообще не знать об этом» [8, с. 5]. Считаем, следует согласиться с данным суждением, поскольку оставление ребенка суррогатной матерью ведет к ущемлению прав её супруга, ведь решение об оставлении ребенка принимается матерью, а как следствие, ведет к возложению против воли супруга обязанности по воспитанию генетически не родного ребенка. В данной ситуации единственным механизмом защиты прав супруга суррогатной матери является возможность оспорить своё отцовство в судебном порядке [11].

Таким образом, единого подхода к пониманию термина отцовства так и не выработано. Развитие и применение методов ВРТ, в основу которых положена теория социального отцовства, поставило под сомнение важность такой категории как «кровное родство». Отсутствие генетической связи между ребенком и отцом при применении методов ВРТ не может служить основанием для оспаривания отцовства. В связи с этим в национальном законодательстве происходит ограничение круга лиц, которым предоставлено такое право. На наш взгляд, отечественное законодательство в области оспаривания отцовства при применении методов ВРТ несовершенно. Использование данных методов должно сопровождаться необходимыми гарантиями интересов не только ребенка, но лиц, давших согласие на применение ВРТ. Для этого необходимо дополнить семейное законодательство нормой, закрепляющей право супруга отозвать свое согласие на применение методов ВРТ в связи с наступлением определенных обстоятельств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Некрасов, С.Д. Определимся с понятием отцовство / С.Д. Некрасов, З.И. Рябкина, А.Р. Тиводар // Киберленинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelimsya-s-ponyatiem-ottsovstvo/viewer>. – Дата доступа: 03.05.2020.
2. Новиков, А.А. Установление происхождения ребенка: сравнительно-правовой аспект – Германия, Польша, Россия / А.А. Новиков, А. Вударски // Киберленинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ustanovlenie-proishozhdeniya-rebenka-sravnitelno-pravovoy-aspekt-germaniya-polsha-rossiya/viewer>. – Дата доступа: 03.05.2020.
3. Кодекс Республики Беларусь о браке и семье [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 278-3 : принят Палатой представителей 3 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2018 г. // КонсультантПлюс: Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
4. Гражданский процессуальный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 11 янв. 1999 г., № 238-3 : принят Палатой представителей 10 дек. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 18 декабря 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17.07.2019 г. // ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.
5. Левушкин, А.Н. Юридические факты в семейном праве России и других государств – участников СНГ [Электронный ресурс] / А.Н. Левушкин // Юридический портал Центр Берег. – Режим доступа: <http://center-be-reg.ru/d86.html>. – Дата доступа: 10.04.2020.
6. Корбут, Ю.Н. Установление происхождения детей в результате применения репродуктивных технологий / Ю.Н. Корбут // Актуальные проблемы науки XXI века. – 2012. № 1(1). – С. 59–63.
7. Евсеева, Л.А. Проблемы оспаривания отцовства (материнства) при применении искусственных методов репродукции человека [Электронный ресурс] / Л.А. Евсеева // eLABRARY.RU. – Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=24919334>. – Дата доступа: 20.04.2020.
8. Лебедева, О.Ю. Проблемы возникающие при установлении происхождения детей, рожденных при помощи методов вспомогательной репродукции / О.Ю. Лебедева // Семейное и жилищное право. – 2013 – № 5. – С. 4.
9. Пермяков, В.А. О роли и месте состояний в механизме гражданско-правового регулирования [Электронный ресурс] / В.А. Пермяков // Юриспруденция. – Режим доступа: <https://justicemaker.ru/view-article.php?id=4&art=4379>. – Дата доступа: 14.04.2020.